

СТАРИКЪ И СТАРУХА.

Жилъ былъ старикъ; у него одоньевъ (хлѣба) было много; а этотъ старикъ лапти плелъ. Пошелъ онъ лыки рѣзать. Принесъ лыки, нарѣзалъ, положилъ ихъ въ печку на ночь парить. Поутру встаютъ; пошла старуха въ печь; а у нихъ въ печкѣ горшокъ блиновъ вмѣсто лыкъ. Старуха встала, посмотрѣла. «Старикъ! лыкъ-то нѣтъ; а блины тутъ.» — Ну, говоритъ, топи печку, пеки блины. Наѣлись блиновъ. Опять старикъ пошелъ за лыками, принесъ, нарѣзалъ, положилъ въ печку. Поутру вмѣсто лыкъ опять блины.

А у этого старика было одоньевъ много; а жилъ-то онъ подлѣ рѣчки. Вотъ онъ и говоритъ: «старуха! куда намъ одоньи? блинами проживемъ; столкнемъ одоньи въ рѣчку.» Пошли, столкнули. Потомъ пошелъ старикъ, набралъ лыкъ; положилъ въ печь. Поутру проснулся: въ печкѣ лыки, а не блины. И хлѣба у нихъ нѣтъ и блиновъ нѣтъ! — Вотъ онъ опять пошелъ, набралъ лыкъ, поставилъ въ печку. Поутру встаютъ: лыки какъ лыки. И на третій день тоже.

Старикъ и говоритъ: «надо, говорить, на лодкѣ ѣздить, одонья ловить!» Поѣхала они на челнокѣ, ловили день цѣлый; поймали одинъ колосокъ, а въ колоскѣ одно зернушко. Потомъ они это зерно сушили, сушили, сушили; высушили, смолотили. Постановила старуха изъ этой муки кисель и поставила его на загнетку. Прилетѣла муха и ѣстъ этотъ кисель у нихъ. Этотъ старикъ увидалъ, схватилъ безмѣнъ; и старуха сидѣла около этого киселя. Хотѣлъ старикъ ударить по мухѣ, да и ударилъ по старухѣ и ушибъ ее. И плачетъ: «ахъ, матушка! хотѣлъ по мухѣ, да ударилъ по старухѣ!»